

Посвящается Дж.

В процессе приготовления торта необходимо следить за тем, чтобы не только рабочая поверхность (предпочтительно — мраморная доска), инструменты, ингредиенты, но и пальцы оставались прохладными...

*Рецепт выпечки
из слоеного теста в книге:
И. С. Ромбауэр и М. Р. Беккер
«Кулинарная библия»*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Я точно знаю: в пятницу, когда я встала, со мной все было в порядке; ну разве что чувствовала себя непривычно вялой. Пошла на кухню приготовить завтрак, а Эйнсли уже торчала там — терла пол шваброй. Сказала, что накануне вечером побывала на кошмарной вечеринке. Она божилась, что, кроме студентов-стоматологов, там никого не было, и те довели ее до ручки, так что она с горя напилась.

— Ты не представляешь, какой это был отстой: двадцать раз выслушивать рассказы про десны и полость рта. Пришлось в красках описать им, какой у меня однажды абсцесс был — вот тут все оживились. У них прям слюни потекли от восторга. А многих мужиков интересовали вовсе не мои *зубы*, черт бы их побрал!

Она мучилась похмельем, отчего я повеселела: почувствовала себя такой здоровой! Налила ей стакан томатного сока, по-быстрому растворила в воде таблетку Алка-Зельтцера и, вполуха слушая ее жалобы, сочувственно поддакивала.

— Как будто мне мало этих разговоров на работе, — проворчала она.

Эйнсли проверяет неисправные электрические зубные щетки в компании производителя: она там временно. А ждет она открытия новой выставки в небольшой художественной галерее, правда, платят там мало, но

она мечтает задрожиться с художниками. В прошлом году, по ее словам, она мечтала о знакомстве с актерами, и кое с кем ей и впрямь удалось познакомиться.

— Эти стоматологи просто зациклены на зубах. Наверное, у всех в карманах пиджаков лежат круглые зеркала на изогнутой ручке, и каждый раз, заходя в сортир, они вынимают их и обследуют свой рот — смотрят, нет ли у них кариеса.

Эйнсли задумчиво провела рукой по волосам — они у нее длинные и рыжие, вернее огненно-каштановые.

— Прикинь, а вдруг с таким придется целоваться? И он перед поцелуем скамандует: «Откройте пошире рот!» Какие-то они все одноколейные...

— Наверное, там было ужасно, — предположила я, доливая сок ей в стакан. — А ты не могла сменить тему?

Эйнсли удивленно подняла почти несуществующие бровки, которые с утра еще не успела подрисовать:

— Конечно нет. Я сделала вид, что мне жутко интересно. И естественно, я не сказала, где работаю: эти профессионалы из себя выходят, если выясняется, что ты что-то смыслишь в их области. Ну, прямо как твой Питер, понимаешь?

Эйнсли частенько подкалывает Питера, особенно когда ей неможется. Но я великодушно промолчала.

— Тебе бы поесть перед работой, — посоветовала я, — лучше, когда в таком состоянии желудок чем-то заполнен.

— О боже, — вздохнула Эйнсли, — я больше так не могу. Еще один день посвятить электромеханизмам и ртам. У меня уже месяц ничего интересного не было — после того случая, когда одна дама вернула зубную щетку с выпадающими щетинками. А мы узнали, что она пользовалась пемолуксом.

В то утро я так старалась быть полезной Эйнсли, мысленно упиваясь своим моральным превосходством

над ней, что даже не обратила внимания, что уже опаздываю — хорошо, она мне напомнила. В компании электрических зубных щеток никто не следит, когда ты появляешься на рабочем месте, но в моем офисе пунктуальность считается хорошим тоном. Мне пришлось заменить сытную яичницу стаканом холодного молока и плоской сухих хлопьев, после которых я, конечно, проголодаюсь задолго до обеда. Я мрачно сжевала ломтик хлеба, пока Эйнсли, еле сдерживая тошноту, молча наблюдала за мной. Потом я схватила сумку и пулей вылетела из квартиры. Эйнсли захлопнула за мной дверь.

Мы живем на верхнем этаже большого трехэтажного дома в старом благообразном квартале — наши комнаты, я думаю, раньше предназначались для прислуги. Между нами и входной дверью внизу два лестничных пролета, второй, тот, что ведет к нам, узкий и скользкий, а нижний — широкий и покрыт ковровой дорожкой, но удерживающие ковер металлические прутья совсем разболтались. В туфлях на шпильках — они предусмотрены нашим дресс-кодом — мне приходится спускаться по лестнице бочком, крепко держась за перила. В то утро я благополучно прошагала мимо ряда медных грелок для постели, подвешенных вдоль лестницы, увернулась от острозубых вентилях труб, торчащих из стены на площадке второго этажа, и успешно миновала потрепанный армейский флаг за стеклом и вереницу портретов каких-то стариков в овальных рамках, стерегущих нижний пролет. К моей радости, внизу никого не было. Спустившись на первый этаж, я шагнула к двери, проскользнув между фикусом в горшке и столиком с кружевной салфеткой и круглым медным подносиком. Из-за бархатной занавески справа я услышала звуки пианино: девчонка наигрывала свои утренние этюды. «Кажется, пронесло», — подумала я.

Но прежде чем я успела схватиться за ручку, дверь бесшумно отворилась с улицы, и я поняла, что попалась. Наша домовладелица, обитающая внизу. На ней были садовые рукавицы — чистые, ни пятнышка, в руке она сжимала совок. Интересно, кого она сейчас зарыла во дворе.

— Доброе утро, мисс Макэлпин, — строго произнесла она.

— Доброе утро! — кивнула я и улыбнулась. Я никак не могу запомнить ее имя, и Эйнсли тоже. При виде нее мы обе впадаем в ступор. Я взглянула мимо нее на улицу, но она не сдвинулась с места и продолжала загоразживать дверной проем.

— Вчера вечером я уходила на собрание, — сообщила домовладелица. У нее была привычка говорить обо всем обиняками. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и снова улыбнулась: когда же до нее дойдет, что я спешу? — Дочь рассказала мне, что в доме опять был пожар.

— Ну, не совсем пожар, — возразила я.

Девчонка восприняла упоминание о себе как повод прекратить играть, и теперь, откинув бархатную занавеску, стояла в дверях общей гостиной и пялилась на меня. Это нескладное существо лет пятнадцати учится в привилегированной школе для девочек, поэтому ей приходится ходить в зеленой тунике и таких же гольфах. Я уверена, что она вполне нормальная, но есть что-то идиотское в ленте для волос, которая обрубчем стискивает ей голову, торчащую над крупным туловищем.

Домовладелица стянула одну рукавицу и поправила шиньон.

— Да что вы? — ласково произнесла она. — Но ребенок говорит, было много дыма.

— У нас все под контролем. — Я уже не улыбалась. — Это свиные отбивные слегка подгорели.

— Понятно. Что ж, будьте добры, попросите мисс Тьюс постараться сделать так, чтобы в следующий раз дыма было поменьше. Боюсь, это доставляет ребенку беспокойство.

Она считает, что виновата Эйнсли: наверное, думает, у нее, как у дракона, дым валит из ноздрей. Но она никогда не останавливает Эйнсли в холле и не заговаривает с ней — только со мной. Подозреваю, она считает, что Эйнсли не достойна ее внимания. Это, вероятно, оттого, что мы одеваемся по-разному. Эйнсли говорит, я одеваюсь так, словно выбираю себе камуфляж или защитную окраску, хотя по мне, что ж в этом плохого? Сама она предпочитает переливающийся розовый.

Естественно, на автобус я опоздала. Еще идя через лужайку, я заметила, как он уезжает через мост в шлейфе дыма из выхлопной трубы. Пока в ожидании следующего автобуса я стояла под деревом — на нашей улице полно деревьев, причем все они гигантские, — из дома выбежала Эйнсли и направилась ко мне. Она умеет быстро менять решения, а я вот не могу собраться с мыслями так скоро. Теперь она выглядела намного здоровее — возможно, благодаря макияжу, хотя с Эйнсли никогда не знаешь. Она сделала пучок на макушке, как делает всегда, собираясь на работу. В остальное время она носит их распущенными. На ней было ее любимое оранжевое с розовым платье без рукавов, которое, на мой вкус, чересчур туго обтягивало бедра. День обещал быть жарким и душным: я уже чувствовала, как меня окутал влажный кокон, словно тело сунули в пластиковый пакет. Может, и мне тоже надо было надеть платье без рукавов...

— Она меня подстерегла в холле, — сообщила я. — И сделала замечание насчет дыма.

— Старая стерва, — отозвалась Эйнсли. — Ей-то какое дело? — В отличие от меня Эйнсли родилась не в маленьком городке и не привыкла к тому, что люди обожают совать нос куда не надо; с другой стороны, это ее абсолютно не смущает. Она понятия не имеет, чем это может обернуться.

— Не такая уж она и старая, — заметила я, взглянув на занавешенные окна первого этажа нашего дома, хотя точно знала, что хозяйка не может нас слышать. — К тому же дым учуяла не она, а ребенок. А она была на собрании.

— Небось на собрании христианок-трезвенниц, — съязвила Эйнсли. — Или канадских дочерей империи¹. Но спорим, нигде она не была, а пряталась за своей бархатной занавеской, чтобы мы думали, будто ее нет, и учудили что-нибудь *этакое*. Она мечтает увидеть оргию.

— Так, Эйнсли, хватит паранойи.

Эйнсли уверена, что, когда нас нет дома, хозяйка поднимается и бродит по нашим комнатам, в ужасе заглядывая во все углы; она даже подозревает, что домовладелица рассматривает на свет наши письма, хотя и не осмеливается пока их вскрывать. Но что она действительно частенько делает, так это открывает нашим гостям еще до того, как они позвонят в дверь. Наверное, она считает себя вправе принимать меры предосторожности: когда мы подумывали снять на двоих квартиру наверху, она сразу нас предупредила, прозрачно намекая на прошлых съемщиков, что, какой бы образ жизни

¹ Имеются в виду женские общественные организации: Христианский союз женщин за трезвость и Орден канадских дочерей империи.

мы ни вели, ее невинная дочь-подросток должна быть ограждена от дурного влияния, и в этом смысле, по ее мнению, на двух девушек можно положиться больше, чем на двух молодых мужчин.

— Я стараюсь изо всех сил, — заявила хозяйка, вздохнув и покачав головой. Она сообщила, что ее муж, чей масляный портрет висел над пианино, оставил ей не так много денег, как хотелось бы. — Вы, конечно, понимаете, что у вашей квартиры нет отдельного входа?

Она подчеркивала скорее недостатки, чем преимущества нашего будущего жилья так, словно не горела желанием его нам сдать. Я ответила: мол, да, понимаем. Эйнсли ничего не ответила. Мы с ней заранее договорились, что все разговоры буду вести я, а Эйнсли будет сидеть и молчать с невинным видом — это она умеет, когда захочет: у нее розовато-белое детское личико, нос-пуговка и большие голубые глаза, которые она может округлить, отчего они становятся похожими на два шарика для пинг-понга. Для таких случаев я ее даже уговариваю надеть перчатки.

Домовладелица снова покачала головой.

— Если бы не ребенок, я бы продала дом. Но я хочу, чтобы дочь росла в хорошем районе.

Я ответила, что понимаю ее, а она сказала, что район, конечно, уже не такой хороший, как раньше: большие особняки слишком дорого содержать, и многие владельцы были вынуждены продать их иммигрантам (при этих словах уголки ее рта чуть скривились), а те превратили их в многоквартирные дома под сдачу.

— Но до нашей улицы это еще не дошло, — продолжала она, — и я говорю ребенку, по каким улицам ей можно ходить, а по каким нельзя.

На что я заметила, что это мудрое решение. До подписания договора об аренде эта дама казалась до-